

К. Ю. Нефедов (Харьков)

Культ правителя в постколониальной концепции эллинизма

В последние два десятилетия в научной литературе широкое распространение получил так называемый постколониальный подход к изучению восточноэллинистических монархий. Впервые он был четко сформулирован в начале 90-х годов английскими исследовательницами С. Шервин-Уайт и Э. Курт [1], а в новом столетии нашел признание у многих западных, а также некоторых российских и украинских антиковедов.

В основе постколониального подхода лежит идея о необходимости кардинального переосмысления отношений греко-македонских завоевателей и их туземных подданных в восточноэллинистических монархиях. Если ранее эти отношения мыслились как господство греко-македонской элиты над покоренными народами, то теперь это представление объявлено произвольным перенесением идеологии европейского колониализма на античную эпоху. По мнению С. Шервин-Уайт и ее последователей, Селевкиды и Птолемеи должны были активно опираться в своем правлении на восточное население и его традиции, создавая таким образом мультинациональные государства, а не колониальные империи. Конкретно-исторические факты, подтверждающие этот тезис, такие как участие лиц восточного происхождения в царской администрации или привлечение туземных контингентов в армию, достаточно противоречивы и в большинстве своем могут быть интерпретированы и противоположным образом — как доказательство колониальных тенденций в политике эллинистических монархов [2]. Поэтому подтверждения постколониальной концепции часто ищут в идеологии Птолемеев и Селевкидов, которая открывала гораздо более широкие возможности для необходимой исследователю интерпретации. Наибольшим вниманием у сторонников рассматриваемого подхода при этом пользуется эллинистический культ правителей, что выглядит вполне закономерным, ибо феномен обожествления царя с давних пор считается в европейской традиции присущим прежде всего восточным практикам сакрализации власти. Рассмотрим, насколько оправдано подобное обоснование постколониального подхода.

Конкретно-исторические факты в случае с царским культом не подтверждают тезис об интеграции восточных и античных начал в восточноэллинистической государственности и идеологии. В государствах Птолемеев и Селевкидов как официальный династический, так и неофициальный городской

или частный культ монархов всегда был организован по греческому образцу и воплощался в чисто античных формах. Параллельно этому официальному культу — царей, конечно, могли почитать и в рамках туземных традиций чествования власти. Однако эти традиции никак не проявлялись в официальном греко-македонском культе правящего царя. Более того, некоторые элементы античного царского культа проникали в восточные практики. Так, например, египетские жрецы в эллинистическую эпоху начали публично декретировать почести Птолемеев, чего не делали для фараонов [3, р. 67–90]. Все это, однако, не убеждает сторонников постколониальной концепции эллинизма в непричастности царского культа к политике «интеграции народов». В своих рассуждениях они акцентируют внимание на двух моментах: возможном воздействии древневосточной традиции на сам факт возникновения царского культа в эллинистических монархиях и проявлении восточных представлений в символике культа или в связанных с ними текстах.

Представление о том, что царский культ пришел в эллинистический мир с Востока, появилось достаточно давно. Большинство антиковедов начала прошлого века были уверены, что культ правителя есть ничто иное как порождение восточного деспотизма. Сейчас это представление уже не имеет негативной коннотации, но продолжает бытовать в настойчивых попытках некоторых исследователей найти в Ахеменидской державе какие-нибудь намеки на традицию обожествления царей, с которыми можно было бы связать истоки эллинистического культа монархов [4]. Эти попытки оказываются в итоге неудачными. В то же время, в Греции и в доэллинистическую эпоху известны факты культового чествования людей и даже монархов, практически не отличающиеся по своему характеру от эллинистического царского культа.

Поиск восточных представлений в символике, связанной с царским культом, также имеет давнюю историю, но в последние годы он стал чрезвычайно активным благодаря стараниям адептов постколониальной концепции. При этом интерпретируемые ими нумизматические или скульптурные изображения практически всегда выполнены в рамках чисто античных традиций, но исследователи считают, что они могли быть «прочитаны» туземным населением эллинистических монархий в контексте собственных представлений и, таким образом, отражали «двуликий» характер эллинистической государственности, сознательно культивируемый самими царями. Так, например, Б. Функ считал, что восьмиконечные македонские звезды на селевкидских монетах воспринималась жителями Месопотамии как шумерский знак божества «дингир». Подобным образом он интерпретировал и все остальные монетные символы Селевкидов [5, S. 1309–1318]. Л. Койнен полагал, что в образе орла Зевса на монетах Птолемея египтяне должны были видеть сокола, который считался воплощением египетского бога Гора [6, р. 45–46].

Особенно популярным в последние время стал поиск восточных коннотаций в культе и идеологии Селевкидов. Благодаря работам таких исследователей, как П. Иосиф [7], Н. Райт [8], К. Эриксон [9], О. Хувер [10], Е. Анагносту-Лаотидес [11] в историографии распространилось представление о том, что первые Селевкиды активно использовали в своем культе и пропаганде вавилонские представления с целью объединить народы «мультикультурной» державы под единой властью царя. Доказательства этого тезиса строятся в основном на интерпретации монетных изображений. Например, рога на портретах Селевка Никатора, явно заимствованные из иконографии греческих божеств, интерпретируют как знак сакрального монарха, зафиксированный в Месопотамии не позже времени Нарам-Суэна. Аполлона, которого Селевкиды считали своим прародителем, названные ученые связывают с вавилонским Набу: Антиох I якобы особенно почитал этого бога вследствие своего наполовину восточного происхождения и огромного значения Вавилона в селевкидской державе. Чтобы доказать подобные предположения, все противоречащие им письменные и иконографические свидетельства перечисленные ученые игнорируют или объявляют малозначимыми, что делает их выводы крайне сомнительными.

Сходный подход широко применяется также к интерпретации александрийской поэзии. В совершенно греческих по форме и содержанию поэмах Феокрита и Каллимаха, посвященных восхвалению первых Птолемеев, многие исследователи сегодня находят египетские мотивы, переведенные в термины греческой мифологии [6, р. 81–113; 12]. При этом остается неясным, каким образом эти мотивы стали знакомы александрийским поэтам, зачем они их вводили в свои произведения, для чего они нужны были царям и как читатели могли их обнаружить в чисто греческой поэзии.

Очевидная натянутость и алогичность описанных выше построений наводит на мысль о том, что они возникают не из желания сторонников постколониальной концепции правильно понять эллинизм, а вследствие их стремления выполнить «соцзаказ» на подобные идеи. Если ранее деятельность Александра Македонского и его преемников якобы использовалась для обоснования колониализма, то теперь она должна рассматриваться в духе постколониализма и современных представлений о культурной толерантности. При этом традиционный для антиковедения принцип *ad fontes* заменяется следованием идеологической концепции, что приближает подобную историографию к псевдонаучным теориям, типа «черной античности». Александр и его преемники действительно не знали идеологии колониализма, но им не был известен и постколониализм. Птолемеи и Селевкиды управляли завоеванными территориями так, как считали целесообразным, не особенно заботясь об идеологических представлениях всех своих подданных. Они принесли с собой на Восток античный культ правителя, надеясь, что он и здесь

будет поддерживать их легитимность среди греков и македонян, но они никогда не пытались объединить этот культ с восточными традициями чествования царей в рамках единой идеологической политики, ибо такой политики у них просто не существовало.

Литература

1. *Sherwin-White S., Kuhrt E.* From Samarkand to Sardis. A New Approach to the Seleucid Empire. — L., 1993.
2. *Savalli-Lestrade I.* Les 'philo' royaux dans l'Asie hellénistique, — Genève, 1998.
3. *Valbelle D.* Décrets égyptiens antérieurs aux Lagides // Le Décret de Memphis. — P., 1999.
4. *Rollinger R.* Herrscherkult und Königsvergöttlichung bei Teispiden und Achaimeniden. Realität oder Fiktion? // Studien zum vorhellenistischen und hellenistischen Herrscherkult. — B., 2011.
5. *Funck B.* Die Wurzeln der hellenistischen Euergetes-Religion im Staat und in den Städten des Seleukos Nikator // Hellenische Poleis. — B., 1973.
6. *Koenen L.* The Ptolemaic King as a Religious Figure // Images and Ideologies: Self-definition in the Hellenistic World. — Berkeley; L. A.; Oxford, 1994.
7. *Iossif P.* Apollo Toxotes and the Seleucids: Comme Un Air de Famille // More Than Men, Less Than Gods. Studies on Royal Cult and Imperial Worship. — Leuven, 2011.
8. *Wright N. L.* Divine Kings and Sacred Spaces: Power and Religion in Hellenistic Syria (301–64 BC). — Oxford, 2012.
9. *Erickson K.* Apollo-Nabû: the Babylonian Policy of Antiochus I // Seleucid Dissolution: The Sinking of the Anchor. — Wiesbaden, 2011.
10. *Hoover O. D.* Never Mind the Bullocks: Taurine Imagery as a Multicultural Expression of Royal and Divine Power under Seleukos I Nikator // More Than Men, Less Than Gods. Studies on Royal Cult and Imperial Worship. — Leuven, 2011.
11. *Anagnostou-Laoutides E.* In the Garden of the Gods: Models of kingship from the Sumerians to the Seleucids. — L.; N.Y., 2017.
12. *Stephens S. A.* Seeing double: intercultural poetics in Ptolemaic Alexandria. — Berkeley; Los-Angeles; L., 2003.

